

МОТИВАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПЕРВОБЫТНОМ ХОЗЯЙСТВЕ

© 2015 И.В. Щербаков*

Ключевые слова: мотивация экономической деятельности, стимулы, права собственности, институты, уровень благосостояния.

С позиции новой институциональной экономической теории анализируется набор стимулов, действующих в условиях первобытного хозяйства. На примерах антропологических исследований демонстрируется, что данный набор стимулов не образует действенной мотивации у агентов племенной экономики. Производится оценка влияния на мотивацию низкого и нивелированного уровня индивидуального благосостояния в первобытной экономике. По результатам работы с экономических позиций формулируется представление о сущности мотивации хозяйственной деятельности человека.

Первобытная экономика, которая занимала 99% времени в истории человечества, представляет собой уникальную модель для понимания такого сложного конструкта, как мотивация экономической деятельности¹. Эта уникальность состоит в том, что на рубеже палеолита и неолита начали проходить существенные изменения в структуре основных экономических стимулов (в спецификации прав собственности, институциональных предписаниях), а также было положено начало дифференциации благосостояния индивидов и формировались первые социальные организации.

В антропологической литературе² данный период получил название “неолитическая революция”, а Д. Норт и Р. Томас определили его как “великую экономическую революцию”³. Происходит изменение в основном стимуле - в спецификации прав собственности путем перехода от общей собственности свободного доступа к коммунальной с последующей трансформацией в частную собственность, осуществляются институциональные преобразования, прежде всего в системе распределения благ, развивается дифференциация благосостояния индивидов.

Фундаментальные экономические характеристики примитивных экономик, а также институциональные порядки того времени можно исследовать на основе результатов работ по экономической антропологии. Исследования по экономической антропологии активно

проводились в XIX-XX вв., воссоздавая экономические отношения, институциональные предписания, а также социальные организации, функционирующие в примитивных обществах⁴. Это относится к племенам, проживающим на социально-экономическом уровне первобытно-общинного строя, в Центральной Африке, Южной Америке и Австралии. Данные исследовательские работы не воспроизводят с академической точностью экономические и институциональные порядки племенных обществ периода палеолита и неолита и обладают лишь определенной степенью адекватности в воссоздании экономико-социального устройства того времени.

Цели работы - оценить воздействие основных экономических стимулов на уровень благосостояния и интенсивность труда индивидов в примитивных обществах; проанализировать влияние собственности, институтов и уровня благосостояния индивидов на формирование мотивации экономической деятельности у агентов первобытного хозяйства; на основе полученных результатов установить сущность мотивации экономической деятельности в целом.

Основные стимулы в первобытной экономике. Уровень благосостояния человека. С современных позиций, благосостояние индивидов, проживающих в условиях примитивной экономики, находится на самых низких ступенях своего развития. Небольшие группы людей обладают малым набором бы-

* Щербаков Игорь Викторович, кандидат экономических наук, доцент Поволжской социально-гуманитарной академии, г. Самара. E-mail: ig063@mail.ru.

товых вещей и легко создаваемых орудий труда. Домохозяйство выступает основной формой организации производства. Разделение труда осуществляется преимущественно по гендерному признаку, а изготовление орудий труда общедоступно. Цели домашнего производства ограничены и подчинены удовлетворению первейших семейных потребностей, потребление ориентировано на нужды производителей. Результаты экономической деятельности направлены на поддержание качества достигнутого уровня жизни, а не на накопление абстрактного богатства. Действующие институциональные порядки закрепляют и поддерживают низкий уровень благосостояния.

Институты. Институциональная среда примитивных экономик - набор обычаев, традиций и ритуалов - формирует режим взаимодействия собственности свободного доступа с действующей организационной структурой (домохозяйством) и направлена на поддержание сложившегося уровня благосостояния в племенной экономике. Ключевым элементом институциональных порядков того времени является регулирование распределения создаваемых благ (главным образом, продуктов питания) на основе охотничьего обычая. Охотничий обычай предполагает институциональное предписание: делиться добычей друг с другом в пределах и за пределами семьи и племени. Часто лучшие части охотничьей добычи принадлежали не самому охотнику, а, например, родителям жены и т.п. С позиции новой институциональной экономической теории⁵, данные нормы распределения рассматриваются в качестве формы социального страхования на случай голода. Следует также учесть тот факт, что отсутствовали технологии длительного хранения продуктов питания. Кроме того, институциональные нормы распределения добываемых благ на основе охотничьего обычая позволяли выравнивать уровень благосостояния в домохозяйстве, племени или поселении, что, в свою очередь, полностью уравнивало различие в материальном достатке или сводило к нулю уровень адаптации (сравнение собственного материального достатка с достатком окружающих, по Д. Канеману)⁶. В итоге охотничий обычай распределения ресурсов не порождал у первобытного эконо-

мического агента стремления к увеличению своего достатка.

Права собственности. В примитивной экономике права собственности на основные (природные) ресурсы находились в режиме свободного доступа. Любой член семьи или линиджа не ограничивал доступа к ресурсам другим участникам общества. Прямой доступ к природным ресурсам позволял каждому свободно использовать их в соответствии со своими потребностями. Простейшая технология, минимально необходимые знания и навыки изготовления орудий производства способствовали данному режиму собственности, обеспечивая простой порядок применения правомочий. Режим свободного доступа к природным ресурсам логично соответствовал малоинтенсивному трудовому ритму охоты и собирательства. Отсутствие исключительности прав собственности не формировало личной ответственности агента племенной экономики. Более мелкие вещи ценились больше крупных вещей. Ментальная модель первобытных охотников включала в себя пренебрежительное и беспечное отношение ко всем видам собственности, к хозяйственной утвари, даже к охотничьим принадлежностям⁷.

Данный вид собственности не требует значительных транзакционных издержек по ее защите, надзору и контролю. Агентские издержки были низки, что не продуцировало интенсивных трудовых усилий и не создавало для персональной ответственности экономических агентов. Экономическая деятельность часто основывалась на рефлексивной основе: когда индивид испытывал желание кушать, он отправлялся на охоту или занимался собирательством. Отсюда несистемное, хаотичное занятие экономической деятельностью.

В результате отличительной чертой первобытной экономики становится тенденция снижения ее общей эффективности. Применительно к охоте и собирательству данный факт объясняется естественным уменьшением ресурсов животного и растительного мира в результате непрерывного увеличения численности населения. Падает производительность добычи продуктов питания. Кроме того, охотничья экономика не способна поддерживать специализацию производства на основе общественного разделения труда. Действу-

ющие экономические стимулы не нацеливали индивида на интенсивную и систематическую хозяйственную деятельность, способствующую увеличению материального благополучия семьи или племени в целом.

М. Салинз считает, что примитивные экономики являются недопроизводящими. Недопроизводство, по мнению ученого, обусловлено самой природой домашней хозяйственной системы, построенной на принципах родства⁸. М. Салинз делает свои выводы на неограниченности природных ресурсов при данном количестве первобытных людей, на недоиспользовании трудовых ресурсов и применении простейшей технологии производства создаваемых благ. Недоиспользование трудовых ресурсов определяется небольшим по продолжительности рабочим днем. На основе анализа многочисленных наблюдений время труда многих австралийских племен составляет от 2 до 5 ч в день (сюда не включены временные затраты на приготовление пищи)⁹. Аналогичный по продолжительности рабочий день наблюдается у племен бушменов Южной Африки. Подобная ситуация с продолжительностью рабочего времени складывается в южноамериканских племенах, находящихся на первобытном уровне развития. Время труда охотников и собирателей составляло 14-35 ч в неделю, что соответствует продолжительности рабочего времени в настоящий период в некоторых западноевропейских странах, а также несколько меньше 41-часовой трудовой недели, установленной законодательством РФ.

При простейшей технологической оснащенности для того времени труд был производителен благодаря богатству природных ресурсов. У бушменов труд по собиранию дикорастущих продуктов питания позволял прокормить 4-5 чел., подобная пропорция производительности добычи продуктов питания описывается у австралийских племен, где женщина за день могла собрать растительной еды на 4-5 дн для всей семьи. Остальное время она проводила в праздных занятиях.

Изменение экономических стимулов.

Переход от собственности свободного доступа к коммунальному виду собственности, с позиции новой институциональной экономической теории, обусловлен достижением кри-

тической численности поселения. Количество жителей первобытной деревни уравнивает издержки на внутреннее управление коммунальной собственностью с издержками ее сохранения и использования. М. Салинз пишет: “К тому времени, когда деревня в тропическом лесу достигает численности в 500 или 600 человек, стрессы и напряженность внутри нее доходят до того, что открытый раскол, ведущий к выкидыванию несогласной фракции, легко может случиться”¹⁰. Переход к коммунальному виду собственности сопровождается распространением оседлого образа жизни, освоением новых видов хозяйственной деятельности - земледелия и скотоводства.

Коммунальная собственность начинает формировать исключительность прав. Владельцами полей, пастбищ, охотничьих и рыболовных угодий, как и морей, света солнца, луны и т.п., провозглашаются вожди линиджа или другие высшие авторитеты. Основной формой организации производства остается домохозяйство, за которым сохраняются исключительные права производственного использования земельных ресурсов. При разграничении земельных ресурсов и установлении границ земельных участков домохозяйству закрепляется доля и оно наделяется правом неограниченного доступа к своей земле. За домохозяйством закрепляется приоритетное право в присвоении произведенного продукта. М. Салинз отмечает: “...никакое право любой стоящей над домохозяйством группы или высшего авторитета не простирается так далеко, чтобы лишить домохозяйство средств к существованию”¹¹.

Трансформация собственности на основные ресурсы меняет институциональные порядки, прежде всего, связанные с распределением произведенных продуктов. Постепенно происходит отказ от обычая распределения материальных благ путем деления продуктов питания по охотничьему принципу. По М. Салинзу, многие “деревенские лоботрясы” (которых в каждом поселении находилось пять-семь человек) продолжали сидеть целыми днями у входа в жилище своих соплеменников с надеждой получить питание, но нормы поведения уже исключали охотничий обычай, и никто не предлагал им на безвозмездной основе продукты.

Переход к собственному производству на основе огненно-подсечного земледелия, усложнение спецификации собственности и изменения институциональных предписаний не поменяли общего тренда снижения эффективности примитивной экономической системы. Основной экономической организацией остается домохозяйство. В соответствии с действующими институциональными предписаниями продукты производства продолжали распределяться практически равными долями между всеми нуждающимися, но только в пределах одной семьи. Домохозяйства не полностью себя обеспечивали, необходимые блага начинают приобретаться путем обмена. Доминирование равенства при распределении благ, низкий уровень потребления, отсутствие исключительности на правомочия собственности - все это в совокупности нивелирует "уровень адаптации" индивида к изменению своего благосостояния. Материальные стандарты жизни остаются низкими, не происходит увеличения совокупного дохода семьи. Отклонение от средней величины производства продуктов питания в пределах одного поселения (деревни) намного выше, чем данное отклонение между поселениями (деревнями). Различия в благосостоянии индивидов остается нивелированным, уровень адаптации не формируется, коллективная собственность не создает персональной ответственности, а уровень издержек принуждения минимален. Изменение основных стимулов при переходе от охоты и собирательства к земледелию не сформировало действенной мотивации экономической деятельности у агентов первобытного хозяйства.

Антропологические исследования свидетельствуют о том, что агенты первобытной экономики, обладая неограниченными земельными ресурсами и значительным свободным временем, не наращивали производства продуктов питания. Например, в общине австралийского племени Румах Нияла только 32 % всех домохозяйств производили более 100 % своей нормальной потребности в рисе, 28 % домохозяйств обеспечивали себя на 76 - 100 % от потребности, 24 % выращивали 51-75 % необходимого урожая, 16 % получали от него 26-50 %, а всего 4 % хозяйств производили менее 25 % необходимого им риса. Распределение сельскохозяй-

ственных земель данного племени варьирует от 0,56 до 2 акров на душу населения¹². Выходит, только одна треть всех домохозяйств полностью обеспечивала себя продуктами питания собственного сельскохозяйственного производства и лишь половина хозяйств была близка к необходимой норме потребления.

Похожие результаты получены А.В. Чаяновым при изучении крестьянских домохозяйств в России в начале XX в.¹³ А.В. Чаянов отмечает, что интенсивность труда в домашнем хозяйстве ниже, чем при иной общественной организации труда. Все исследуемые крестьянские семейные хозяйства, обладая значительными ресурсами свободного времени, а также возможностью увеличения земельных наделов, часто не обеспечивали себя полностью продуктами питания. Не срабатывало "правило Чаянова", согласно которому при увеличении соотношения "иждивенец/работник" в условиях домохозяйства должны возрастать интенсивность и (или) время труда, приходящееся на одного работника.

Семейное крестьянское хозяйство России по набору экономических стимулов конгруэнтно агентам первобытной экономики: основная форма организации производства работ - домохозяйство, низкий уровень благосостояния, коллективная (семейная) собственность на основные факторы производства, натуральное производство и малые объемы обменных операций. Целью экономической деятельности выступает необходимость поддерживать на достигнутом уровне конечное потребление домохозяйства. Ничто и никто не понуждает работников в примитивных обществах или в экономически замкнутом крестьянском хозяйстве работать на пределе физических и материальных возможностей, увеличивая собственное благосостояние.

Проблемы снижения интенсивности труда, увеличения недопроизводства создаваемых благ, неиспользования свободного времени работников и потенциальных возможностей природных ресурсов М. Салинз видит в эндогенных причинах функционирования экономической системы. Норма домашнего обеспечения обладает инертностью, которая не только распространяется на интенсивность и продолжительность работ, но и тормозит развитие навыков и умений людей, препятствует внедрению технологических нов-

шеств для наращивания производства. А.В. Чаянов предлагает другое объяснение: несовершенство мотивации экономической деятельности. Становится понятным одно: при действующих стимулах экономического агента первобытной экономики вряд ли удастся вооружить современными мотивами хозяйственной деятельности. Однако приведенная логика настоящей работы позволяет сделать выводы по установлению сущности мотивации экономической деятельности, детализируя объяснения А.В. Чаянова.

1. Действующие стимулы в условиях первобытного хозяйства не способствовали формированию действенной мотивации экономической деятельности у индивида.

2. Собственность - самый интернализированный, с экономической и психологической позиций, стимул - в полной мере не реализуется в общей собственности свободного доступа и в коммунальной собственности, поскольку отсутствует ее персонификация с адресным образованием дополнительных эффектов. Отсутствие эффекта интернализации собственности может компенсироваться величиной агентских издержек (издержек по принуждению и мониторингу деятельности индивида), но домохозяйство как экономическая организация, построенная на родственных связях, не формирует их в необходимом объеме.

3. Стимулирующая роль институтов состоит из двух составляющих: образует структуру экономических стимулов, а кроме того, выступает самостоятельным регулятором поведения.

4. Низкий и нивелированный уровень индивидуального (семейного) благосостояния не создавал для агентов первобытной экономики примеров более высокого благосостояния, не формируя у них стремления к изме-

нению своего положения. Имущественная дифференциация выступает самостоятельным стимулом экономической деятельности.

5. Мотивация экономической деятельности представляет собой интернализацию индивидом действующих стимулов. Действенная мотивация экономической деятельности формируется путем достижения соотношения между правами исключительности собственности и величиной агентских издержек. В данном случае мотивация (достигнутое соотношение) выступает имплицитной составляющей экономического развития.

¹ Эггертссон Т. Экономическое поведение и институты. М. : Дело, 2001. С. 273.

² См.: *Леву-Стросс К.* Структурная антропология. М. : Эксмо-Пресс, 2001. 512 с.; *Салинз М.* Экономика каменного века. М. : ОГИ, 1999. 296 с.

³ *North D., Thomas R.* The First Economic Revolution // *Economic History Review* 30. № 2. P. 229-241.

⁴ См.: *Леву-Стросс К.* Первобытное мышление. М. : Республика, 1994. 384 с.; *Малиновский Б.* Антология исследований культуры. Отражение культуры. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2011. 422 с.; *Его же.* Магия, наука и религия. М. : Рефл-бук, 1998. 304 с.

⁵ См.: *Шаститко А.Е.* Новая институциональная экономическая теория. М. : Экономический факультет МГУ : ТЭИС, 2002. 591 с.; *Эггертссон Т.* Указ. соч.

⁶ *Канеман Д.* Думай медленно... решай быстро. М. : АСТ, 2014. С. 279.

⁷ *Салинз М.* Указ. соч. С. 17.

⁸ *Там же.* 50-51.

⁹ *Там же.* С. 36, 64-65.

¹⁰ *Там же.* С. 97.

¹¹ *Там же.* С. 92.

¹² *Там же.* С. 76 .

¹³ *Чаянов А.В.* Организация крестьянского хозяйства. М. : Центральное товарищество "Кооперативное издательство", 1925. 215 с.

Поступила в редакцию 16.06.2015 г.